

В детстве с Чу Вэем произошло нечто удивительное. Спасаясь бегством в глухом горном ущелье, он случайно набрёл на скрытую от чужих глаз обитель — настоящий затерянный рай. А когда очнулся, то обнаружил, что в его сознании поселился чужой голос.

Незнакомец назвался старейшиной-мечником из школы Меча Сюаньфэн. Он объявил, что сама судьба свела их вместе, и, разглядев в мальчишке редкий дар, решил взять его в ученики.

Маленький Чу Вэй тогда ещё плохо понимал, что значит быть учеником бессмертного мастера, но врождённая сметливость уберегла его от глупостей — он благоразумно держал эту тайну при себе.

Шли годы. Перенимая древние знания у своего незримого учителя, юноша со временем осознал две вещи. Во-первых, этот загадочный голос действительно стал для него Шифу — наставником. Во-вторых, то, чему он обучался, в современном мире давно превратилось в легенду и практически исчезло без следа.

В глубине души маленького Чу Вэя Шифу занял особое место, став самым дорогим существом и непререкаемым авторитетом — человеком, чьё могущество казалось безграничным.

Вот только наставник не всегда был рядом. Он то и дело бесследно исчезал, погружаясь в глубокое молчание, и порой не отзывался месяцами.

Именно поэтому каждое его возвращение приносило юноше искреннюю, чистую радость.

Услышав далёкий, но такой знакомый голос, Чу Вэй преобразился. Вечно холодное, бесстрастное лицо озарила мягкая улыбка, а в уголках губ заиграла редкая, несвойственная ему нежность.

Чэн Даню, стоявший чуть позади, от этого зрелища так и застыл с открытым ртом.

«Надо же, как ему идёт улыбка... Стоп, а он сейчас ничего не говорил?»

Одолеваемый любопытством, Даню не выдержал:

— Эй, ты чего там бормочешь?

Чу Вэй мгновенно стряхнул наваждение. Лицо его вновь сделалось непроницаемым и холодным.

— Да так, ничего, — ровно отозвался он.

Но в его сознании Шифу и не думал умолкать.

"Смерть этого бедолаги слишком уж подозрительна. Не поленись, осмотрись кругом"

Впрочем, Чу Вэй и сам собирался докопаться до истины, даже без подсказки наставника.

Пусть с дядей Чжаном они близко не общались, тот всё же оставался их односельчанином. Подобное жуткое происшествие могло нагнать страху на всю округу и лишить людей покоя.

Убийца до сих пор гулял на свободе — и кто знает, человек ли это вообще? Если не разобраться с этой тварью сейчас, могут пострадать другие ни в чём не повинные люди.

С приездом полиции толпа зевак мало-помалу начала расходиться. Селяне с надеждой посматривали на людей в форме, искренне веря, что те быстро разыщут душегуба и избавят деревню от липкого, леденящего страха.

Слишком уж неестественной, пугающей была смерть Лао Чжана — один его вид заставлял кровь стынуть в жилах.

Вот только сами служители закона, присланные на расследование, чувствовали себя ничуть не лучше. Трёх оперативников изнутри подтачивал глухой, липкий ужас.

За годы службы им доводилось видеть всякое, но столкнуться с делом настолько необъяснимым и жутким пришлось впервые. От одного взгляда на покойника у мужчин шевелились волосы на затылке.

Чу Вэй надеялся выгадать ещё пару минут и осмотреться, но дедушка, сурово нахмурившись, крепко ухватил его за сухощавое плечо и, тяжело опираясь на клюку, потащил прочь от толпы.

— Нечего тут вылупляться, мал ещё на покойников глазеть! А ну марш домой!

— Дедушка, мне вообще-то уже семнадцать, — тихо запротестовал Чу Вэй.

Старик лишь сердито зыркнул на него из-под кустистых бровей:

— Семнадцать ему! Желторотик ещё, сопляк зелёный! Сказал — домой, значит, домой. Нечего тут душу пачкать.

Спорить с рассерженным дедом было бесполезно. Не желая расстраивать старика, Чу Вэй послушно поплёлся следом.

Чэн Даню, лишившись компании друга, тоже не решился задерживаться у зловещего дома. Он торопливо пристроился сбоку и сразу же принялся засыпать старика вопросами:

— Дедуль, а дедуль! Как думаешь, из-за чего дядя Чжан так преставился? Вы сами-то успели разглядеть?

Старик резко остановился и взмахнул палкой:

— Тебе отдельное приглашение нужно? А ну помалкивай! Не твоего ума дело!

Стоило им переступить порог родного дома, как дедушка сразу ушёл к себе в комнату. Годы брали своё — силы таяли на глазах, и даже короткая прогулка до окраины теперь давалась ему с трудом, заставляя подолгу ловить ртом воздух.

Чу Вэй с грустью посмотрел на его ссутулившуюся спину. На сердце навалилась тяжёлая, щемящая тоска.

Благодаря своему дару он знал: дедушке осталось недолго. Нити его земной судьбы должны были оборваться уже в этом году. Пусть это и была мирная кончина от старости, смириться с неизбежным было невыносимо трудно.

Размышления прервал Шифу — его голос соткался из тишины прямо в голове ученика, как всегда, спокойный и безучастный ко всем мирским горестям.

"Рождение, старость, хвори и уход за грань — всё это предрешено свыше. Против судьбы не пойдёшь"

Чу Вэй мгновенно подобрался, отгоняя печальные думы, и мысленно спросил:

«Шифу, вы успели заметить что-нибудь странное у того дома?»

Ответ наставника прозвучал в его обычной, слегка насмешливой манере:

"Ты у меня обучаешься не первый год. Пора бы уже показать, на что способен без подсказок"

Намёк был предельно ясен.

«Выкручивайся сам, раскрывать карты я тебе не стану».

Впрочем, Чу Вэй и не думал унывать. Ему даже не нужно было бежать обратно: сотворённый им талисман слежения всё ещё прочно держался на форме одного из оперативников. Юноша

медленно прикрыл глаза, концентрируя внутреннюю силу.

Когда он разомкнул веки, его собственное зрение уступило место чужому. Перед мысленным взором зазеленела густая лесная чаща — полицейские уже добрались до места происшествия.

Место, где было найдено тело, всегда хранит в себе самые важные зацепки. Положение покойника, оставленные следы, мелкие детали окружения — всё это бесценно для воссоздания картины преступления. И хотя тело дяди Чжана уже перенесли в семейную усадьбу, полицейские были обязаны прочесать каждый дюйм зловещей поляны.

Чу Вэй внимательно вглядывался в размытые образы чужих глаз, как вдруг его внимание привлекло копошение у калитки. Он резко повернулся на звук, и ровно через три секунды из-за забора показалась взлохмаченная черноволосая макушка.

Чэн Даню боязливо огляделся по сторонам и, убедившись, что грозного дедушки поблизости нет, на цыпочках прокрался во двор.

— Вэйвэй, слышь! — зашептал он, запыхавшись. — Тётушка Ван у колодца трепалась, что легавые в ущелье ушли. Туда, где Лао Чжана нашли. Может, пристроимся следом, а? Посмотрим, чего раскопают!

Чу Вэй моргнул, и золотистая искра, на мгновение вспыхнувшая в его зрачках, бесследно растворилась. Он с улыбкой оглядел долговязую фигуру друга.

— Смотрю, страх у тебя как рукой сняло?

Даню и впрямь до сих пор потряхивало от испуга, но мальчишеское любопытство пересиливало любые опасения. К тому же на дворе стоял белый день — что плохого может случиться под солнцем?

— Да кто... кто боится-то? — упрямо выпятил подбородок Даню, хотя голос его предательски дрогнул. — Так ты идёшь или нет?

— Иду, — без колебаний согласился Чу Вэй.

Накинув засов на ворота, приятели шмыгнули в густые заросли за домом и двинулись по едва заметной тропке, ведущей к ущелью. Дом Чу Вэя стоял на самой окраине деревни. Справа от их участка шумела неширокая горная речушка, за которой глухой стеной высился древний, непролазный бор.

Этот лесной массив тянулся на многие ли и переходил в глубокую восточную долину. Обычно деревенские ходили туда за валежником для печей, но вглубь никогда не совались — собирали сучья по опушке и спешили обратно.

Именно в том проклятом ущелье и оборвалась жизнь дяди Чжана. После случившегося вряд ли кто-то из местных в здравом уме решится ступить под эти тёмные своды.

Чу Вэй и Даню пробирались по заброшенной козьей тропе, петлявшей меж вековых деревьев. Они выросли в этих краях и знали каждую кочку, поэтому пробиться напрямик через лес для них было делом привычным и куда более быстрым, чем плестись в обход по разбитой грунтовой дороге.

В начале июля в уезде Цин всегда заправляли затяжные муссоны. Небо который день затягивала унылая серая пелена, а по ночам на землю обрушивались яростные грозовые ливни. Солнце так и не показалось — тяжёлые, свинцовые тучи лениво ползли над верхушками сосен, погружая лесной полумрак в серое безмолвие затянувшихся сумерек.

Решимости Даню хватило ненадолго. Не пройдя и половины пути, он стал заметно притормаживать, испуганно косясь по сторонам. Чу Вэй, подстраиваясь под его темп, тоже убавил шаг.

Даню нервно провёл ладонью по лбу. В сырой глубине леса царила прохлада, но парня отчего-то бросило в липкий, холодный пот.

— Вэйвэй... — хрипло позвал он, оглядываясь. — Ты чего отстал-то?

Чу Вэй удивлённо приподнял бровь:

— Так я ведь за тобой иду.

«Кто из нас двоих застыл как вкопанный, если не ты?»

Чу Вэй спокойно смотрел на друга.

Даню выдавил из себя натянутый смешок:

— А, ну да... Точно.

Он замялся, затравленно озираясь по сторонам, и поближе придвинулся к другу.

— Слушай, Вэйвэй, тебе не кажется, что сегодня тут как-то особенно... темно? Будто весь свет выжали.

— Да ну? — спокойно отозвался Чу Вэй.

Этот ровный, будничный тон подействовал на Даню как успокоительное — комок нервов в его груди немного разжался.

Пытаясь разогнать зловещую тишину леса и унять собственную дрожь, Даню заговорил погромче:

— А хочешь, историю расскажу? Про нашу деревню. Старую-престарую.

Чу Вэй покачал головой, но вспомнил, что друг идёт впереди и не видит его лица, поэтому негромко ответил:

— Не слышал. Расскажи.

Ему и впрямь было не до деревенских баек — изо дня в день он разрывался между изнурительными тренировками под началом Шифу, изучением древних практик и нескончаемыми хлопотами по дому. Свободного времени на пустую болтовню у него попросту не оставалось.

Даню напустил на себя таинственный вид и понизил голос до замогильного шёпота:

— Говорят, давным-давно у нас тут случился страшный пожар. Дома горели как спички. В одном из них заживо сгорела целая семья — семь человек, от мала до велика. С тех самых пор в деревне и началась чертовщина. То тут, то там люди начали видеть призраков...

Для Чу Вэя это было новостью. Пробудившийся интерес заставил его ускорить шаг:

— И когда это было? Что случилось потом?

Даню почесал затылок, силясь вспомнить детали:

— Да уж лет двадцать с гаком прошло, почитай. В общем, житья от них не стало. В конце концов деревенские скинулись и позвали какого-то странствующего даоса, чтобы тот провёл обряд и упокоил неупокоенные души. Только после этого всё утихло. Я эту байку от Безумного дедушки услышал, когда к нему с гостинцами заходил.

В их деревне все знали этого юродивого старика. Он ютился в покосившейся мазанке на самом отшибе, перебиваясь тем, что приносили жалостливые соседи. Поговаривали, что его дети давным-давно уехали в город на заработки и с концами пропали, а старуха его преставилась ещё до того, как у старика помутился рассудок. Из-за чего именно он лишился ума, никто в деревне уже и не помнил.

Про самого Безумного дедушку Чу Вэй, конечно, знал, но вот история о страшном пожаре

дошла до него впервые. Впрочем, неудивительно — двадцать лет назад его ещё и на свете-то не было.

Они продолжали углубляться в чащу. Даню шёл впереди, но каждые два шага испуганно оборачивался, проверяя, на месте ли Чу Вэй. Ему казалось, что лес вокруг затаился и дышит им в спину тяжёлым, холодным перегином.

В конце концов Чу Вэй надоело ловить на себе этот затравленный взгляд:

— Ты под ноги смотри, а не на меня. Споткнёшься ведь.

Даню виновато улыбнулся:

— Да я... это... просто смотрю, не отстал ли ты. Заплутаешь тут ещё.

Понимая, насколько глупо звучит эта отмазка в лесу, который они оба знали как свои пять пальцев, он быстро перевёл тему:

— Слушай, Чу Вэй, а тебе самому-то не боязно?

— А чего мне бояться? — искренне удивился юноша.

— Ну как чего?! Вспомни, в каком виде дядю Чжана нашли! Вдруг его какая-то нечисть лесная задрала? Или призраки те из погоревших?

Чу Вэй лишь снисходительно усмехнулся:

— Не переживай. Если и встретим кого — изловим да упокоим. Дело нехитрое.

Даню вытаращился на друга так, словно у того внезапно выросла вторая голова:

— Изловим?!

Он даже голос повысил от изумления:

— И в чём ты его ловить собрался, в мешке из-под картошки? Чу Вэй, очнись! Это тебе не фазан голохвостый и не заяц-русак, это, чёрт возьми, нечисть настоящая!

Если бы Даню нужно было описать свои чувства в этот момент, он бы просто констатировал: его лучший друг окончательно рехнулся или объелся белены. Ни один нормальный человек не

стал бы нести подобную чушь с таким невозмутимым лицом.

Чу Вэй пускаться в объяснения не собирался — всё равно Даню не поверил бы ни единому слову.

Они побрели дальше, но вскоре оба почувствовали неладное. Обычно дорога через подлесок до самого ущелья занимала не больше получаса, но сейчас они шли уже добрых сорок минут, а спасительного просвета впереди всё не было. Лес словно смыкался вокруг них, становясь всё гуще и мрачнее.

Даню растерянно поскрёб затылок и остановился:

— Вэйвэй... Мы точно туда идём? Мы не могли свернуть не туда?

Они замерли посреди безмолвной чащи.

Даню сделал несколько неуверенных шагов в одну сторону, затем в другую, вглядываясь в одинаковые замшелые стволы. На лице его проступила бледность:

— Погоди... Мы же тут только что проходили, да? Вон то поваленное дерево с суком... я его точно видел три минуты назад!

Липкая, холодная паника начала подступать к его горлу.

Чу Вэй же оставался абсолютно спокоен. Он внимательно огляделся по сторонам, а затем неуловимым, плавным движением извлёк из рукава тонкую, но на диво прочную шёлковую верёвку.

Он подошёл к другу и аккуратно обвязал шнур вокруг его запястья, закрепив его причудливым, замысловатым узлом.

Даню ошеломлённо уставился на свою руку:

— Это ещё зачем? Ты чего удумал?

Чу Вэй тем временем обмотал свободный конец верёвки вокруг собственного запястья — его тонкие, изящные пальцы двигались уверенно и быстро.

— Туман ложится, — негромко и отчётливо произнёс он.

— Какой ещё туман?.. — начал было Даню, озираясь по сторонам.

Договорить он не успел. Будто подчиняясь какому-то жуткому велению, лесную чащу в мгновение ока затопило плотное белое марево. Оно наплзало отовсюду — густое, ледяное, осязаемое. За считанные секунды видимость упала до нуля, и мир вокруг превратился в сплошную молочную стену.

Даню испуганно рванулся в сторону, но Чу Вэй уже растворился в этой белизне. Лишь натянувшийся шёлковый шнур на запястье доказывал, что друг всё ещё стоит в шаге от него.

Из вязкой, глухой мглы донёсся спокойный, тихий голос Чу Вэя:

— Даню, слушай меня внимательно. Что бы ты сейчас ни увидел и какие бы звуки ни услышал — не смей паниковать. Просто иди на натяжение нити.

Последние слова он произнёс уже про себя, всматриваясь сквозь белёсый сумрак обострившимся духовным зрением:

«Оно уже здесь».

<http://bllate.org/book/19040/1900057>